ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Черепнева Людмила Михайловна, специалист по работе со СМИ пресс-службы Всероссийской федерации самбо, Москва, Россия; e-mail: cherepnyova@yandex.ru

ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ «ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ ДЛЯ СЕРДЦА И РАЗУМА» И ЕГО РАБОТА С АУДИТОРИЕЙ

Статья содержит результаты анализа первого российского литературного и научно-популярного журнала для детей «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789 гг.), задуманного и изданного Н. И. Новиковым. Рассматривается первый год издания, так как в этот дебютный и для журнала, и для российской детской журналистики период определились методы работы с юной аудиторией. В рамках нашей исследовательской задачи анализируются образы ребенка-героя и ребенка-читателя, созданные авторами журнала, дается характеристика потенциальной аудитории «Детского чтения». Изучение работы журналистов с прежде не охваченной вниманием СМИ аудиторией – детьми – предопределяет научную новизну исследования. Поскольку работа является исторической по своей направленности, мы использовали нарративный и историко-генетический методы исследования, а также метод сравнительного анализа.

Ключевые слова: *журнал «Детское чтение для сердца и разума», Н. И. Новиков, журналистика для детей, педагогика XVIII столетия.*

Liudmila M. Cherepnyova, PR Manager at the press office of the All-Russian Sambo Federation, Moscow, Russia; e-mail: cherepnyova@yandex.ru

THE FIRST RUSSIAN CHILDREN'S MAGAZINE "CHILDREN'S READING FOR THE HEART AND MIND" AND ITS DEALING WITH THE AUDIENCE

The article given below contains the results of an analysis of the first Russian literary and popular science children's magazine "Children's Reading for the Heart and Mind" (1785–1789). The main focus of the study is on the first 4 issues of the magazine published in 1785. They were chosen because, from the author's point of view, the starting period laid the foundations for journalists' work with the new audience and for viewing the children's magazine as a new type of media. This period witnessed the development of the main techniques and methods of dealing with the target audience. The aim of the study is actually their identification. The problem of the study is in the specifics of dealing with the children's audience, which

had not been reached by the media before "Children's Reading" appeared. A new view is taken of the images of a child as a character and a child as a reader constructed by the magazine. As far as this article appears to be a historical one, the author uses the narrative and historically-genetic research methods as well as the method of comparative analysis.

Key words: *"Children's Reading for the Heart and Mind" magazine, N. I. Novikov, journalism for children, 18th-century pedagogy.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2020.100118

Введение

С 1785 по 1789 г. в московской Университетской типографии, взятой в аренду знаменитым русским просветителем, издателем и журналистом Н. И. Новиковым, издавался первый в России детский журнал «Детское чтение для сердца и разума». Среди сотрудников его редакции были выдающийся впоследствии педагог А. А. Прокопович-Антонский, знаменитый переводчик А. А. Петров и будущий писатель Н. М. Карамзин.

Идея создания «Детского чтения» принадлежала Новикову. Журнал оказался гармонично вписан в программу его просветительских инициатив. Назовем лишь некоторые из них: организация «Дружеского ученого общества» – объединения филантропов, поддерживавшего талантливых студентов и готовившего молодых людей к педагогической деятельности, «Типографической компании» – издательского сообщества, призванного познакомить Россию с сокровищами энциклопедической и художественной литературы; Новиков редактировал и издавал известнейшие сатирические журналы своего века «Трутень», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелек», открыл в Москве более десятка книжных магазинов и учредил первую в столице публичную библиотеку. «Издательская и книгопродавческая деятельность Новикова в Москве вносила в русское общество новые знания, вкусы, впечатления, настраивала умы в одном направлении, – замечал по этому поводу историк XIX в. В. О. Ключевский, – из разнохарактерных читателей складывала однородную читающую публику, и сквозь вызванную ею усиленную работу <...> стало пробиваться то, с чем еще незнакомо было русское просвещенное общество, – общественное мнение» (1990: 388). «Детское чтение» – первый опыт коммуникации с юной аудиторией – стало частью комплексной работы с отечественным читающим обществом, которую вел Новиков.

Обзор литературы

Журнал не был обойден исследовательским вниманием: «Детское чтение» упоминали едва ли не все ученые, писавшие о просветительских и педагогических инициативах Новикова. В работах XIX в. о «Детском чтении» говорится вскользь. Так, в исследовании М. Н. Лонгинова «Новиков и московские мартинисты» первому в России детскому журналу уделено всего 5 строк, в то время как другие издания Новикова охарактеризованы гораздо подробнее. Ключевский, посвятивший Новикову очерк в сборнике «Исторические портреты», даже не вспоминает названия журнала, говоря о нем как о «листах для детского чтения» (1990: 338).

В более поздних работах «Детскому чтению» уделено больше внимания. Так, статьи советской исследовательницы Е. П. Приваловой, опубликованные в периодическом издании Института русской литературы РАН СПб во второй половине прошлого столетия (1964: 258–268; 1966: 254–260; 1976: 104–112), посвящены составу редакции журнала, социальной проблематике издания, оценкам читателей и критики. «Детское чтение» оценивается как общее детище просветителей, приложивших руку к его созданию.

О журнале пишут и современные исследователи. Например, В. Б. Муравьев в своей работе о Карамзине сравнивает материалы, размещенные в журнале Новикова, с детскими рассказами Л. Н. Толстого (2014). Главным достоинством первого отечественного детского журнала исследователь считает гармоничное сочетание назидательности и художественности. Е. В. Вологина (2011) рассматривает «Детское чтение» через аксиологическую призму формирования в нашей культуре самих концептов *ребенок* и *детство*. О журнале как о проводнике религиозно-педагогических взглядов его создателя говорит Е. Б. Кудрявцева (2010). А. Р. Акчурина в работе «Н. М. Карамзин – журналист» пишет, что «Детское чтение» сыграло важную роль в профессиональном и творческом становлении молодого Карамзина (2016). В статье В. И. Симанкова «Источники журнала «Детское чтение»» (2015) приводится подробный перечень источников, из которых заимствовались материалы для журнала.

Хотя “Детское чтение” не раз упоминалось в работах исследователей русской журналистики как очень удачный или даже образцовый пример издания XVIII столетия, оно еще ни разу не становилось объектом тщательного исследовательского анализа. Поскольку в русской журналистике не было опыта взаимодействия с детской

аудиторией, Новикову и его сотрудникам предстояло самостоятельно разработать его приемы. Именно поэтому первый, дебютный год издания предопределил многие особенности коммуникации журнала с аудиторией, которые впоследствии широко использовались в детской журналистике.

Формы работы журналистов «Детского чтения» с юной аудиторией, разумеется, в немалой степени предопределялись спецификой эпохи. Е. В. Вологина, изучавшая развитие детской литературы с точки зрения аксиологии, полагает, что решающим для этого развития фактором было изменение отношения взрослых к детям и самому понятию детства. По мысли Вологиной, период с XVI по XVIII в. стал для России эпохой, когда была осознана специфика ребенка как читателя, требующего особого подхода, и сформулирован сам концепт *ребенок* в его современном понимании. Именно тогда, по мысли исследовательницы, стали появляться произведения, отмеченные типичными для детской литературы чертами (2011: 16–17). Выводы Вологиной не противоречат предшествующим исследованиям детства. Так, И. С. Кон пишет: «Новое время, особенно XVII и XVIII вв., ознаменовалось появлением нового образа детства, ростом интереса к ребенку во всех сферах культуры, более четким хронологическим и содержательным различением детского и взрослого миров и, наконец, признанием за детством автономной, самостоятельной социальной и психологической ценности» (2003: 7). Поэтому неудивительно, что именно в XVIII столетии, когда новые образы ребенка и детства укрепились в общественном сознании, была предпринята успешная попытка работы с ребенком через СМИ.

Цель и задачи журнала «Детское чтение», его жанровая и тематическая специфика были подробно изложены в «программе», опубликованной в «Московских ведомостях», и практически дословно повторялись в «программах» следующих лет[1]. Общие принципы, намеченные в обращении к «Благородному российскому юношеству» (1785), оказались актуальны и для последующих лет.

Первый детский журнал и его эпоха

К моменту появления в России «Детского чтения» проблема дефицита детских книг, недостаточности детского чтения стояла остро. По словам Е. В. Вологиной, начало XVIII в. (1700–1717 гг.), несмотря на его реформистский уклад, не ознаменовалось расцветом детских изданий. «Основное внимание, – пишет исследова-

тельница, – государство уделяет специальному образованию, мало заботясь о воспитании, оставляя эти проблемы в сфере контроля церкви» (2011: 19). В дальнейшем ситуация изменилась к лучшему, однако детских книг и журналов было по-прежнему недостаточно. Согласно приводимым Вологиной данным, с 1717 по 1778 г. свет увидели только 68 изданий для детей (имеется в виду вся литература и периодика, обращенная к детям).

Мнение исследователя подтверждается свидетельствами мемуаристов, чье детство пришлось на так называемый «доновиковский» период («новиковский» период – с 1779 по 1789 г.). С. Т. Аксаков в автобиографической повести «Детские годы Багрова-внука» отмечал, что в доме его родителей была только одна детская книга – сборник поучительных рассказов «Зеркало добродетели». «Эту детскую книжку я знал тогда наизусть всю,– пишет автор. – <...>Наконец, «Зеркало добродетели» перестало поглощать мое внимание и удовлетворять моему ребячьему любопытству, мне захотелось почитать других книжек, а взять их решительно было негде»[2]. Ему вторит известный журналист, литератор и мемуарист XVIII столетия А. Т. Болотов. В произведении «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» автор отмечает: «У нас в России было тогда еще так мало русских книг, что в домах нигде не было не только библиотек, но ни малейших собраний <...> Литература у нас тогда только что начиналась, следовательно не можно было мне, будучи ребенком, нигде получить книг для чтения»[3]. С этими свидетельствами сходны воспоминания Е. Р. Дашковой, главы двух. академий (Академии наук и Российской Академии) и журналистки. Выйдя замуж очень рано, подростком четырнадцати или пятнадцати лет (точного года собственного рождения не знала даже сама Екатерина Романовна), Дашкова лишь тогда смогла в полной мере утолить свой книжный голод. «Никогда драгоценное ожерелье не доставляло мне больше наслаждения, чем эти (т. е. приобретенные после замужества. – *Л. Ч.*) книги; все мои карманные деньги уходили на покупку книг»[4]. Большая часть купленных девушкой произведений, однако, была либо написана на иностранных языках, либо добыта с большим трудом – через высокопоставленных знакомых.

Не имея возможности читать детскую литературу, дети – порой бесконтрольно – принимались за книги, не подходившие им ни по возрасту, ни по тематике. Поэт И. И. Дмитриев писал в мемуарах, что, будучи ребенком, какое-то время имел возможность «чи-

тать все, что ни попадалось»[5]. Столь же свободно в мир литературы погружались Н. М. Карамзин, которому досталась библиотека матери, состоявшая по преимуществу из «взрослых» романов (Муравьев, 2014: 20); М. А. Дмитриев, читавший со старшими родственниками то же, что читали они[6]; С. Н. Глинка, о котором инспектор кадетского корпуса, где тот учился, впоследствии скажет: «Глинку книги испортили» (Кудрявцева, 2010: 17).

Эту особенность эпохи Новиков отметил в первой же публикации «Детского чтения». Упомянутый материал – «Благородному российскому юношеству» – является, по сути, краткой программой издания, сформулированной в ясных для детей выражениях. «Любезные дети! – пишет автор (по мнению Приваловой, которое мы склонны разделить, это Новиков. – *Л. Ч.*). – Может быть, многим из вас удивительным покажется издание особливого для вас журнала; итак, чтоб вы не удивлялись, хотим мы уведомить вас <...> о *причине*, *намерении* и *содержании* сих листов (курсив наш. – *Л.Ч.*)»[7]. Причиной издания «Детского чтения» журналист называет выраженный недостаток детской литературы на русском языке: «Доселе на отечественном нашем языке не было ничего, что бы служило собственно для детского чтения»[8]. Поэтому дети, изучавшие французский и немецкий, читали книги на этих языках, а те, кто «по недостатку и по другим обстоятельствам»[9] не знал этих языков, либо не читали вовсе, либо вынуждены были читать взрослую, не подходившую для них литературу. Новиков отдельно замечает, что чтение на иностранных языках, особенно на немецком, «который ныне весьма обогащен писаниями всякого рода и для всякого возраста»[10], похвально, однако не может и не должно заменить чтение на русском языке.

Мысль о важности изучения родного языка стала для просветителя поводом для разговора о галломании, борьбу с которой он начал еще в своих сатирических журналах. «Всякому, кто любит свое Отечество, весьма прискорбно видеть многих из вас, которые лучше знают по-французски, нежели по-русски, и которые вместо того, чтобы, как говорится, с матерним млеком всасывать в себя любовь в Отечеству, всасывают, возрощают и укореняют в себе разные предубеждения против всего, что токмо отечественным называется»[11], – писал он.

Намерение, по признанию автора, состоит в том, «чтобы всем молодым охотникам до чтения доставить упражнение на природном нашем языке»[12]. Здесь же высказана удивительная для совре-

менного журналиста надежда на то, что журнал вскоре породит аналоги. «Мы надеемся, – пишет Новиков, – что друзья детей последуют нашему примеру <...> и что в короткое время будете вы иметь на своем языке полное и достаточное чтение для вашего возраста»[13].

Содержание автор материала характеризует как «разное, но нужное и соразмерное <...> возрасту <...> силам и <...> развивающемуся еще понятию» юных читателей[14]. В число опубликованного Новиков обещает включать нравоучительные материалы – те, что помогут сформировать у детей правильное отношение к Богу, государю, родителям и наставникам, а кроме того – «ко всем людям и самим себе»[15]. Соседствовать с ними предстоит материалам «для обогащения ума»[16], то есть научно-популярным статьям по физике, истории, географии, биологии, астрономии и другим наукам.

Редакция журнала «Детское чтение»

В конце статьи Новиков размещает сведения об издателях. Над журналом с самого начала предстояло работать значительной группе людей, что для XVIII в. было не слишком типично. «Имен наших знать нет вам нужды, а чинов и состояний еще меньше: ни то, ни другое не сделает листов наших ни лучше, ни приятнее, – пишет автор. – Довольно того, что мы почти все россияне, ваши собратья, любящие свое отечество и вас, как будущую его подпору. Мы по большей части сами имеем у себя детей и чувствуем больше холостых людей нужду в добром воспитании»[17]. Итак, среди членов редакции Новикова был по крайней мере один иностранец и почти все приглашенные к сотрудничеству авторы воспитывали собственных детей. Естественно, что для работы с юношеством основатель «Детского чтения» приглашал людей, на деле постигших специфику общения с ним. А вот носители языка в составе редакции нужны были для того, чтобы по максимуму задействовать источники на иностранных языках.

Дети глазами журналистов «Детского чтения»

Поговорим об образах ребенка-героя и ребенка-читателя, формируемых изданием. Они весьма разнообразны. Важно отметить, что журнал предназначался для детей обоих полов. Юных читателей журналисты ни разу не называют «мальчиками», «отроками» или «юношами», предпочитая говорить обобщенно: «любезные

дети», «благородное российское юношество», «любезные наши читатели»[18]. Среди героев, сопровождающих читающего ребенка из номера в номер, есть и мальчики, и девочки. Так, в материалах «Добросердовского цикла» действуют постоянные персонажи: компания ребят и их старший друг Добросерд – взрослый человек, прекрасно находящий общий язык с детьми. Среди маленьких постоянных героев есть дети обоих полов: Алексей, Николай, Володинька, Мария и Лизанька. Разнополый состав персонажей встречается во множестве материалов, обозначенных авторами как «разговоры» или «беседы». Такова, например, статья «Разговор между отцом и сыном о снеге» (№ 8. Ч. I), которая начинается как беседа отца с одним ребенком – Василием, а завершается как беседа с четырьмя – Василием, Федором, Дарьей и Анной. В «Разговоре между отцом и детьми о кофе» (№ 3. Ч. II) действуют те же дети. В «Разговоре между отцом и детьми о громе» (№ 12. Ч. II) отец наставляет Андрея и Лизаньку. «Северное сияние» (№ 13. Ч. IV) посвящено тем же брату и сестре. Дети обоих полов действуют в большинстве вставных историй, которые родители или воспитатели рассказывают маленьким героям в рамках «разговоров». Встречаются статьи, посвященные исключительно девочкам (например, «Рецепт для молодых девушек» из № 2. Ч. II), и материалы, в которых действуют только женские персонажи («Согласие» № 13. Ч. I; «Разговор одной матери с ея дочерью» № 10. Ч. II; «Бабочка с золотыми крылышками, стрекоза с тоненькими ножками и прилежная пчелка» № 10. Ч. IV и т. д). Стоит отметить, однако, что художественный портрет героини журнала все же отличается от портрета героя, но различие это проявляется в создании образов взрослых людей. Хотя в издании представлено множество материалов, в которых отец или учитель-мужчина чему-то учит девочек, и таких, где девочек наставляют матери или учительницы, нет ни одной «пиэсы», где матери или учительницы воспитывали бы мальчиков или смешанную группу детей. Внимание журналистов к воспитанию девочек также соответствовало устремлениям эпохи. Не стоит забывать, что именно во второй половине XVIII в. было организовано первое государственное женское учебное заведение – Воспитательное общество благородных девиц (впоследствии – Смольный институт), а идея просвещения девочек получила деятельного сторонника в лице педагога И. И. Бецкого, создателя и попечителя множества учебных заведений, посвятившего «женскому вопросу» целую главу в своем «Генеральном плане...»[19].

Любопытен взгляд издателей журнала на то, что современные исследователи назвали бы социально-демографическими характеристиками аудитории. Сам по себе тот факт, что Новиков и члены его редакции решились наладить контакт с детьми через печатный орган, говорит о том, что своей потенциальной аудиторией они, скорее всего, считали семьи грамотные и обеспеченные. Первый же опубликованный материал, однако, свидетельствует о том, что журналисты понимали, до какой степени фрагментирована и неоднородна их аудитория.

Возраст предполагаемого читателя Новикова, судя по всему, не был четко определен. Среди героев есть как малыши, не умеющие самостоятельно одеваться (таков персонаж материала «Должно привыкать, сколько можно, обходиться без чужой помощи» № 9. Ч. IV Антон), так и подростки 15–17 лет. Такова девушка Сакхарисса, героиня «Разговора» (№ 4. Ч. III), и герои «Достопамятной повести о некотором купце», почти взрослые Жан и Мария (№ 1. Ч. II). Любопытно, что замысел Новикова привлечь к чтению детей разного возраста, очевидно, воплотился в жизнь. Среди оставивших о журнале благодарные отзывы выделяется мемуарист В. И. Панаев, вспоминавший, что «Детское чтение» стало его первой самостоятельно прочитанной книгой (из чего мы можем заключить, что Панаев на тот момент едва ли достиг 7 лет). Примерно в том же возрасте с журналом познакомился персонаж «Детских годов Багрова-внука» Сережа. Маленький герой получает 12 «частей» журнала в подарок от соседа С. И. Аничкова и увлекается ими настолько, что родители решают отобрать подарок и выдавать ребенку по книжке, когда сочтут это не слишком утомительным для него. Такое решение объяснялось поведением Сережи, воспринявшего журнал как немыслимую ценность: «Боясь, чтоб кто-нибудь не отнял моего сокровища, я пробежал прямо через сени в детскую, лег в свою кроватку, закрылся пологом, развернул первую часть – и позабыл все меня окружающее <...> Мать рассказывала мне потом, что я был точно помешанный: ничего не говорил, не понимал, что мне говорят»[20]. Эти воспоминания любопытно сопоставить с отзывом М. А. Дмитриева. ««Детское чтение» было едва ли не лучшею книгою из всех, выданных для детей в России, – писал он. – Я помню, с каким наслаждением его читали даже и взрослые дети»[21]. Следуя логике принятого тогда в России возрастного деления, мы можем предположить, что под «взрос-

лыми детьми» подразумевались подростки старше 15 лет, вышедшие из отроческого возраста.

Любопытно заметить, что к ребенку-читателю журналисты «Детского чтения» обращаются почти как к равному, апеллируя к его разуму, воле и критическому мышлению. Одним из самых любопытных элементов журнала можно назвать публицистические обращения к детям, которые, в отличие от множества других материалов, заимствованных из зарубежных детских книг и журналов, работники редакции, по всей видимости, писали сами. Таких обращений в четырех частях журнала за 1785 г. насчитывается 11. Характерно, что именно обращением открывается первый номер первого года выпуска.

Дети представляются журналом как личности разумные, ответственные, имеющие право на знания и чувства. Журнал пронизан оптимизмом, верой в способность маленьких читателей работать над собой («Повесть о Селеме и Ксамире» № 1. Ч. I; «Воздержность» № 13. Ч. I; «Начало только трудно» № 5. Ч. I I). Неоднократно демонстрируются образы детей, которым благодаря собственным усилиям удалось измениться в лучшую сторону. Отдельно отмечается, что дети способны остеречь и научить друг друга. Например, в материале «Разговор между братом и сестрой» (№ 5. Ч. I) старший ребенок помогает младшему уяснить разницу между живым и неживым.

Отдельно хотелось бы отметить статью «О подражании родителям» (№ 1. Ч. III), автор которой выражает горячую веру в то, что добродетельный, старательный ребенок сможет вырасти хорошим человеком даже при дурных родителях. Материал начинается с прямого обращения: «Любезные наши читатели! Мы хотим теперь поговорить с вами о такой материи, которая требует всего вашего внимания, для того, что от нее зависит благополучие ваше как в сей, так и в будущей жизни. Мы надеемся, что вы подумаете о том, что мы вам скажем; рассудок ваш конечно одобрит наши мысли, а советы наши, которые даем мы вам с добрым намерением, не останутся без полезных следствий»[22]. Автор статьи подчеркивает, что природа человека склонна к подражанию, а потому «самое то, что сначала кажется нам очень противно, например, непристойности, злые нравы и мысли, не можем мы долго видеть перед собою без того, чтоб <...> наконец мы сами ими не заразились»[23]. С точки зрения автора, детям свойственно стремление копировать

родителей, которые, к несчастью, не всегда бывают достойными подражания. Существуют дурные родители, «которые показывают детям самые грубые пороки; дети видят в них только ненависть, зависть, мщение, радость чужому вреду, неумеренность, безбожие и тому подобное»[24]. В таком случае ребенку стоит положиться на мнение друзей и наставников, хорошие книги и, разумеется, собственный разум. Можно сказать даже, что в данном материале «Детское чтение» пропагандировало популярную ныне в педагогике парадигму критического мышления, мотивирующую ребенка всё воспринимаемое проверять доводами разума.

Принцип гуманности, положенный Новиковым-педагогом в основу обращения взрослых с детьми, оказывается актуален и в обратной ситуации. В материале присутствует мысль о том, что некоторые недостатки присущи даже хорошим родителям: «Знайте, что и самые лучшие родители суть человеки, а потому имеют свои погрешности, которых не могут они скрывать от вас либо по небрежению, либо потому, что сами они их не усматривают»[25]. Именно поэтому не стоит выведывать «погрешности» родителей специально, равно как и «за то меньше их любить»[26].

Мысль об ответственности ребенка за собственные поступки, прямо вытекающая из мысли о его самостоятельности, тоже представлена в «Детском чтении». Так, во втором материале «Добросердовского цикла» нам демонстрируется пример хорошего воспитания, которое оказалось бессильно создать хорошего человека. Злой вельможа Ксамир – взяточник и преследователь своего справедливого соперника Селема, – к удивлению маленьких героев материала, оказывается сыном хороших людей. «Родители его были добродетельны и старались вселить в него всякую добрую склонность <...>, – говорит детям Добросерд, – но несчастной сам развратился»[27]. Далее следует подробный рассказ о том, что, привыкнув немедленно удовлетворять всякую потребность, человек постепенно лишается душевного покоя и впадает в порок. Именно поэтому ребенку, даже получающему прекрасное воспитание, подобает внимательно следить за собственными делами, мыслями и чувствами, стараясь делать доброе и остерегаясь дурного.

Очень интересным представляется нам серия материалов о персидском правителе Кире, опубликованная в I части журнала. Начинается цикл небольшим очерком «Кир», где рассказываются некоторые полулегендарные сведения о детстве царя. Нельзя не признать этот материал истинным образцом исторической крити-

ки. Коротко и в доступной для детей форме издатели разъясняют, какие источники предоставляют сведения о Кире («Жизнь Кирову описывали два греческие писателя, Иродот и Ксенофон»[28]), в чем состоят преимущества и недостатки каждого из них («Первой рассказывает много басен, а другой совсем ничего не пишет о его детстве»[29]), какой источник будет выбран издателями. Характерен тот факт, что, по изложении некоторых поучительных историй из жизни Кира-ребенка, автор материала возвращается к вопросу о необходимости трезво подходить к рассказам о чьей-либо биографии, особенно если это биография знаменитой личности. «Мы сообщили вам сей пример, дабы показать, сколь нужно вам приучаться с самых молодых лет различать истинное от ложнаго, – замечает автор. – Мы находим такия чудныя повести почти о всех основателях больших государств и великих героях <...> Вы очень хорошо сделаете, если будете советоваться с искусными людьми и просить у них наставления, чтобы вам не принимать басен вместо истории»[30].

С тем или иным рассказом о жизни Кира читающий ребенок сталкивается во всех последующих номерах, вплоть до тринадцатого «листа» части. В последнем материале речь заходит о кончине царя, в связи с чем издатели снова поднимают вопрос об истинном и ложном. Свидетельства Геродота вновь противопоставляются свидетельствам Ксенофона. Журналисты представляют маленьким читателям обе версии, не страшась того, что Кир, описанный Геродотом, едва ли достоин подражания. Историк рассказывает, как Кир напал на царство массагетов, желая покорить его. Сымитировав побег персидского войска, царь заманил противников в собственный лагерь и напал на них ночью, многих убил, оставшихся взял в плен. Массагетская царица Томирис попросила Кира освободить хотя бы ее сына-юношу, но тот отказал ей, и принц в отчаянии наложил на себя руки. Разгневанная царица напала на захватчика с оставшимся войском и победила персов, после чего приказала обезглавить царя и положить его голову в мешок, наполненный кровью. Ксенофонов же Кир скромен, сдержан и даже в старости свеж, словно юноша. «До самой смерти сохранил он здоровье, – указывают издатели, – что было следствием умеренной жизни, какую он всегда вел»[31]. Кир Ксенофона умирает, наслаждаясь результатами собственных дел, успев отдать наставления детям, в мире с собою и богами.

Любопытно, что на этот раз авторы материала удерживаются от назиданий. По-видимому, предполагается, что дети, с которыми

уже говорили о существовании разных исторических версий, теперь смогут самостоятельно понять, какая история о Кировой смерти ближе к истине и что поучительного можно извлечь из обеих.

Описанное в журнале «юношество» ведет себя в соответствии с демократическими идеями Новикова, которые тот изложил в цикле педагогических статей, незадолго до издания «Детского чтения» опубликованных в «Прибавлении к Московским ведомостям»[32], не стесняется задавать старшим собеседникам вопросы, делиться собственными умозаключениями и чувствами. Описанные в журнале достойные родители и воспитатели признают право детей на горе или радость, предоставляя им возможность совладать с нахлынувшими эмоциями. Так, материал «Окончание повести о несчастной семье, жившей под снегом, и разговора о снеге» – продолжение рассказа отца о том, как занесенная лавиной семья выживала в условиях голода и холода, – в определенный момент останавливается. Представив сцену смерти маленького шестилетнего пострадавшего, отец дает детям возможность выразить печаль, внимательно выслушивая каждого. Внимание к этому факту привлекает примечание в скобках: «Они поговорили о сем еще несколько, и потом отец продолжал свою повесть»[33].

В описанных благополучных семьях между детьми и их воспитателями царит доверие и взаимопонимание; дети не подвергаются телесным наказаниям и не изолируются от семьи. Их воспитывают трудом и добрым примером, в уважении к людям всех сословий, в отсутствии суеверий. Родители и учителя могут наказать детей за плохое поведение, однако чистосердечное признание вины всегда поощряется. Взрослые не отмахиваются от вопросов младших и отвечают на них с охотой, честно признаваясь в незнании, если ответ им неизвестен, или в невозможности ответить, если ребенок еще не готов понять объясняемое.

Детский журнал как часть педагогической концепции своего создателя

Формат нашей работы не позволяет подробно рассмотреть статьи 1785 года издания через призму педагогических взглядов Новикова. Однако нам представляется важным сделать подобное сопоставление хотя бы на малом материале, взяв для примера одну статью из «Детского чтения» и одну – из педагогического наследия

издателя. Ввиду ограниченного объема мы прибегнем к одной из самых коротких статей Новикова «О сократическом способе учения», сравнив ее главные идеи с чертами «пиэсы» «Разговор между отцом и детьми о кофе». Педагогическая статья завершается выведением 4 основных правил, необходимых для обучения детей. По мнению просветителя, учитель, желающий стать подобным Сократу, должен, во-первых, испытывать, какие понятия есть у ученика; во-вторых, учить его работать с этими понятиями; в-третьих, стимулировать разум ребенка вопросами или поправлениями и помогать ему; наконец, никогда не порицать и не высмеивать детских высказываний. Взаимоотношения детей и отца, действующих в «пиэсе», выстроены точно по упомянутым правилам.

Беседа начинается с предположения Дарьи о том, что слово «кофе» нерусское. Отец подтверждает догадку дочери и принимается рассказывать о происхождении напитка, попеременно задавая детям вопросы, например: «В которой части света лежит Аравия?» Ребята узнают от него, что кофе растет на деревьях, цветы которых напоминают белый жасмин, а плоды, пока они зреют, можно есть. По ходу разговора детям разрешается вставлять свои замечания. Размечтавшаяся о кофейных плодах Дарья говорит: «Я ела бы их сколько мне угодно, а косточки оставляла бы купцам, которые кофием торгуют»[34]. Несмотря на то что мечта девочки нереальна, она получает ласковый ответ, доходчиво объясняющий, почему подобное невозможно: «Сама ты не захотела бы есть спелых кофейных вишен <...> Ты не нашла бы в них ничего, кроме клейкой кожи иссохшаго тела, наполненной густым, темноцветным и очень горьким соком»[35]. Отец отвечает также на возникающие у детей вопросы о том, как и кто собирает кофейные плоды, как выглядят кофейные листья и как из плодов готовят кофе. Помимо обычного для статей подобного рода экскурса в область географии в данном материале присутствует и экскурс в область арифметики. В ответ на предположение Федора о том, что на продаже кофе страны, где он растет, хорошо зарабатывают, отец предлагает сделать примерную выкладку. Взяв бумагу и карандаш, он пишет условия и вопрос задачи: «Положим, что в одном доме употребляется в месяц по 3 фунта кофию <...> Каждой фунт стоит по 30 копеек, что ж придет на целой год?[36]». Кто-то из детей не может ответить без расчетов на бумаге, другие же бойко считают в уме и быстро дают ответы: 360 пудов и 4 320 р. На вопрос внимательной Анны о вреде кофе отец отвечает с осторожностью, напоминая,

что привыкание к бодрящему напитку нежелательно: «Что ж касается до вреда, то это зависит от сложения того, кто его пьет, также и от меры. Но вообще для молодых людей кофе больше вредно, нежели полезно»[37].

Очевидна попытка работников журнала привлечь детей с разными интересами, о чем свидетельствует тематическое и жанровое разнообразие «Детского чтения». Среди материалов, жанровая принадлежность которых обозначена авторами, насчитывается 18 «разговоров» (в современной системе журналистских жанров они были бы названы беседами), 16 басен, 14 повестей, 6 анекдотов, 4 сказки и 1 пьеса. Можно выделить также 11 обращений, близких к современному жанру открытого письма. По тематической направленности материалы журнала разделяются на 2 типа: естественнонаучные (рассказывающие детям о природных явлениях, далеких землях и диковинных животных) и публицистические (убеждающие детей слушаться родителей, почитать Создателя, усердно трудиться, уважать и ценить окружающих).

Судя по дошедшим до нас воспоминаниям выросших читателей «Детского чтения», они действительно обращали внимание на разные «пиэсы». Панаев хвалил поэтические переводы и описания, Аксаков – статьи о натуральной истории, Белинский – публицистику, посвященную социальным проблемам, Пирогов – разнообразие.

Выводы

«Детское чтение» стало уникальным примером работы с детьми посредством СМИ. Предназначенное для весьма широкой аудитории, в которую входили читатели разного возраста, пола, достатка и интересов, оно стало орудием просвещения широкого пласта юношества. Выстроенное в соответствии с предварительно разработанной педагогической концепцией Новикова, «Детское чтение» демонстрировало множество новых для своей эпохи приемов работы с детьми, а потому оставалось привлекательным для аудитории еще по меньшей мере полвека. Журнал успешно просуществовал с 1785 до 1789 г., когда Новиков утратил право аренды Университетской типографии.

Влияние, оказанное «Детским чтением» на российскую журналистику и культуру, трудно переоценить. По сведениям Приваловой, журнал дважды переиздавался еще при жизни своего создате-

ля: М. Пономаревым – в 1799–1804 гг. и С. Селивановским – в 1819 г. (1966: 254–260). Вологина, рассматривая детские издания XIX в., выделяет среди них 4 имеющих явные переклички с «Детским чтением»: «Друг юношества и всяких лет» М. Невзорова, «Друг детей» Н. Ильина, «Новое детское чтение» С. Глинки и «Детское чтение» А. Острогорского. Два последних издателя, как можно заметить по названиям журналов, даже манифестировали близость к журналу Новикова. «Благодаря этому журналу, – подразумевая «Детское чтение», пишет Е. Б. Кудрявцева, – началась систематическая работа по созданию у нас детской литературы» (2010: 14). Как утверждает Привалова, даже в 60-е гг. XIX столетия многие учебники и хрестоматии продолжали перепечатывать материалы «Детского чтения» (1966: 258).

Среди благодарных выросших читателей журнала – поэт и переводчик В. А. Жуковский, прозаики С. Т. Аксаков и Н. С. Лесков, литературный критик В. Г. Белинский, хирург Н. И. Пирогов и многие другие выдающиеся деятели науки и культуры. Некоторые из них оставили о «Детском чтении» воспоминания, описывающие непосредственные впечатления, которые маленький читатель мог получить от журнала.

Так, широко известна характеристика, данная «Детскому чтению» Аксаковым: «Я читал свои книжки с восторгом <...> В детском уме моем произошел совершенный переворот, и для меня открылся новый мир <...> Многие явления в природе, на которые я смотрел бессмысленно, хотя и с любопытством, получили для меня смысл, значение и стали еще любопытнее»[38].

Примечания

---

[1] *Новиков Н. И.* Избр. соч. / подг., вступ. ст. и прим. *Г. П. Макогоненко*. М.-Л.: Гослитиздат, 1951. С. 569–575.

[2] *Аксаков С. Т.* Детские годы Багрова-внука. М.: Детская литература, 1986. С. 29.

[3] Русские мемуары. Избранные страницы, XVIII век / сост., вступ. ст. и прим. *И. И. Подольской*; биограф. очерки *В. В. Кунина* и *И. И. Подольской*. М.: Правда, 1988. С. 95.

[4] *Дашкова Е. Р.* Записки. СПб: Изд. группа «Лениздат», «Команда А». 2013. С. 10.

[5] Русские мемуары. Избранные страницы, XVIII век / сост., вступ. ст. и прим. *И. И. Подольской*; биогрфа. очерки *В. В. Кунина* и *И. И. Подольской*. М.: Правда, 1988. С. 181.

[6] *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М.: в типографии В. Готье, 1986. С. 27.

[7] Детское чтение для сердца и разума. М.: в Университетской Типографии, 1785. Ч. I. С. 3.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 4.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же. С. 4–5.

[14] Там же. С. 5.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 3; Там же. Ч. II. С. 46–47.

[19] Генеральный план Императорского Воспитательного, для приносных детей, дома и госпиталя для бедных родильниц в Москве. (1763–1767 гг.): в 3 ч. СПб, 1889.

[20] *Аксаков С. Т.* Детские годы Багрова-внука. М.: Детская литература, 1986. С. 30.

[21] *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М.: в типографии В. Готье, 1986. С. 35.

[22] Детское чтение для сердца и разума. М.: в Университетской Типографии, у Н. Новикова, 1785. Ч. II. С. 8–9.

[23] Там же. С. 9.

[24] Там же. С. 12.

[25] Там же. С. 13–14.

[26] Там же. С. 15.

[27] Там же. С. 34.

[28] Там же. С. 152.

[29] Там же.

[30] Там же. С. 157.

[31] Там же.

[32] В порядке очередности выхода в свет их следует перечислить следующим образом: «О воспитании и наставлении детей» (1783 г.); «Рассуждение о некоторых способах к возбуждению любопытства в юношестве» (1784 г.); «О раннем начале учения детей» (1784 г.); «О сократическом способе учения» (1784 г.); «Об эстетическом воспитании» (1784 г.).

[33] Детское чтение для сердца и разума. М.: в Университетской Типографии, у Н. Новикова, 1785. Ч. I. С. 132.

[34] Там же. С. 35.

[35] Там же. С. 35–36.

[36] Там же. С. 41.

[37] Там же.

[38] *Аксаков С. Т.* Детские годы Багрова-внука. М.: Детская литература, 1986. С. 31.

Библиография

Акчурина А. Р. Н. М. Карамзин - журналист. М.: Фак. журн. МГУ, 2016.

Вологина Е. В. Становление детской периодики в России: трансформация издательской модели: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011.

Ключевский В. О. Исторические портреты. М., 1990.

Кудрявцева Е. Б. Для сердца и разума: Детская литература в России XVIII в. СПб: Нестор-История, 2010.

Кон И. С. Ребенок и общество. М.: ИЦ «Академия», 2003.

Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. СПб: Лань и др, 2000.

Муравьев В. П. Карамзин. М.: Молодая гвардия, 2014.

Привалова Е. П. О сотрудниках журнала "Детское чтение для сердца и разума" // XVIII век. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб, 1964. Т. 6. С. 258–268.

Привалова Е. П. «Детское чтение для сердца и разума» в оценке читателей и критики // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.-Л.: Наука, 1966. С. 254–260.

Привалова Е. П. Социальная проблема на страницах журнала Новикова "Детское чтение для сердца и разума" // XVIII век. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб, 1976. Т. 11. С. 104–112.

Симанков В. И. Источники журнала "Детское чтение для сердца и разума" (1785–1789) // XVIII век: сб. ст. и мат. Сб. 28. М.; СПб: Альянс-Архео, 2015. С. 323–174.

Notes

Aksakov S. T. (1986) *Detskiye gody Bagrova-vnuka* [The Early Years of Bagrov-Grandson]. Moscow: Det. Lit.

Dashkova E. R. (2013) *Zapiski* [Notes]. Saint Petersburg: Izdatel′skaya gruppa "Lenizdat", "Komanda A".

Dmitriyev M. A. (1986) *Melochi iz zapasa moyey pamyati* [Little Things from the Store of My Memory]. Moscow: v tipografii V. Got′ye.

Detskoye chteniye dlya serdtsa i razuma [Children's Reading for the Heart and Mind] (1785) Moscow: Univ. tip., u N. Novikova. CH. I.

Detskoye chteniye dlya serdtsa i razuma [Children's Reading for the Heart and Mind] (1785) Moscow: Univ. tip., u N. Novikova. CH. II.

Detskoye chteniye dlya serdtsa i razuma [Children's Reading for the Heart and Mind] (1785) Moscow: Univ. tip., u N. Novikova. CH. III.

Detskoye chteniye dlya serdtsa i razuma [Children's Reading for the Heart and Mind] (1785) Moscow: Univ. tip., u N. Novikova. CH. IV.

General'ny'j plan Imperatorskogo Vospitatel'nogo, dlya prinosnykh detej, doma i gospitalya dlya bednykh rodil'nicz v Moskve. (1763–1767 gg.): V 3-x ch. [Master Plan of the Imperial Educational, for Foundlings, Home and Hospital for Poor Maternity Patients in Moscow. (1763–1767): At 3 Vol] (1889) Saint Petersburg.

References

Akchurina A. R. (2016) *N. M. Karamzin – zhurnalist* [N. M. Karamzin as a Journalist]. Moscow: Fak. zhurn. MGU. (In Russian)

Klyuchevskiy V. O. (1990) *Istoricheskiye portrety* [Historical Portraits]. Moscow: Pravda Publ. (In Russian)

Kon I. S. (2003) *Rebenok i obshhestvo* [The Child and Society]. Moscow: Izdatel`skij centr Akademiya. (In Russian)

Kudryavtseva E. B. (2010) *Dlya serdtsa i razuma: Detskaya literatura v Rossii XVIII v* [For the Heart and Mind: Children's Literature in 18-th Century Russia]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russian)

Longinov M. N. (2000) *Novikov i moskovskiye martinisty* [Novikov and the Martinists of Moscow]. Saint Petersburg: Lan′ i dr. Publ. (In Russian)

Murav′yev V. P. (2014) *Karamzin* [Karamzin]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian)

Privalova E. P. (1964) *O sotrudnikakh zhurnala "Detskoye chteniye dlya serdtsa i razuma"* [Something about the Staff of the "Children's Reading for the Heart and Mind" Magazine]. In *XVIII vek. Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) RAN* [The 18th Century. Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS]. Saint Petersburg. Vol. 6. Pp. 258–268. (In Russian)

Privalova E. P. (1966) "Detskoye chteniye dlya serdtsa i razuma" v otsenke chitateley i kritiki ["Children's Reading for the Heart and Mind" Magazine as Assessed by Readers and Critics]. In *Rol′ i znacheniye literatury XVIII veka v istorii russkoy kul′tury* [The Role and Significance of 18-th Century Literature in the History of Russian Culture]. Moscow-Leningrad: Nauka Publ. Pp. 254–260. (In Russian)

Simankov V. I. (2015) *Istochniki zhurnala "Detskoye chteniye dlya serdtsa i razuma"* [The Sources of the "Children's Reading for the Heart and Mind" Magazine] (1785–1789). In *XVIII vek: sb. st. i materialov. Sb. 28* [The 18th Century: a Collection of Articles and Materials. Col. 28]. Moscow; Saint Petersburg: Al′yans-Arkheo Publ. Pp. 323–174. (In Russian)

Vologina E. V. (2011) *Stanovleniye detskoy periodiki v Rossii: transformatsiya izdatel'skoy modeli*: dis. ... kand. filol. nauk. [The Rise of Children's Periodicals in Russia: the Transformation of the Publishing Model: PhD philol. sci. diss.] Krasnodar. (In Russian)

Поступила в редакцию
29.02.2020